

Джесси Норман свингует и пританцовывает концерт примадонны на Зальцбургском фестивале

ВАДИМ ЖУРАВЛЕВ

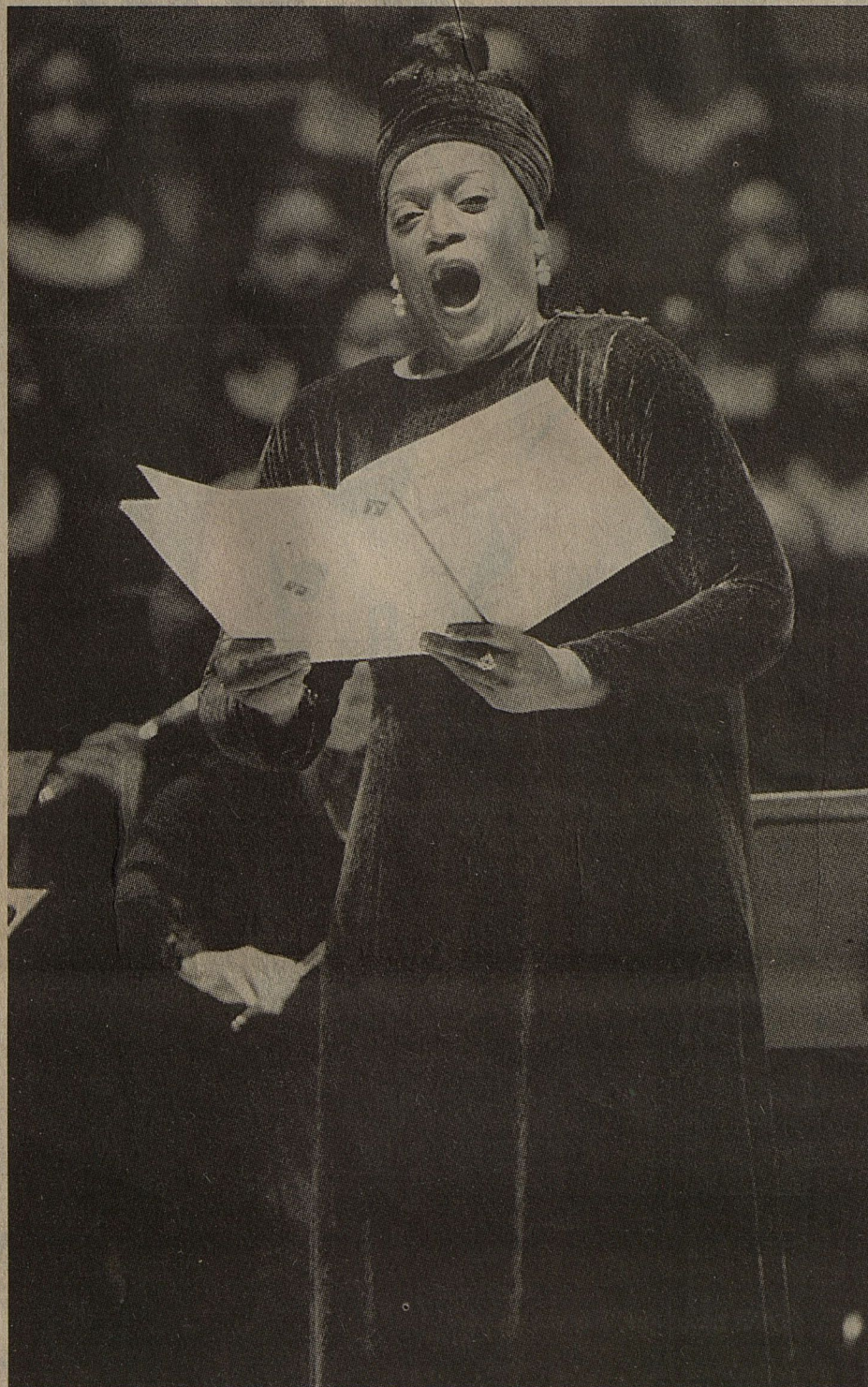
ЗАЛЬЦБУРГ

Одной из кульминаций недавно открывшегося Зальцбургского фестиваля стал сольный концерт великой негритянской примадонны Джесси Норман. В этом году в Зальцбурге начинается новая эпоха, связанная с именем нового интенданта фестиваля Петера Ружички. И участие такой выдающейся певицы, как Норман, начинавшей свои выступления в Зальцбурге еще с самим Гербертом фон Караяном, стало одним из факторов доверия публики к новой фестивальной команде. Ну а Норман дала еще один уникальный концерт, на котором побывал корреспондент Газеты.

Большой фестивальный театр — место, мало приспособленное для камерных концертов под рояль. Здесь играют оперные спектакли и дают симфонические концерты. И только Норман, с ее голосом-махиной, по силам спеть в этом зале песни Шуберта, причем не напрягаясь ни на секунду. Голос Норман, на первый взгляд, мало подходит для исполнения камерной вокальной музыки. Но все эти нарушения канонов жанра требовательная зальцбургская публика, для которой освистать певца проще простого, прощает только великой американке.

Зальцбургский концерт Норман вообще напоминает священнодействие. Перед выходом певицы на сцену зал надолго замирает в тишине, и выход Норман больше напоминает торжественный проход императрицы. Только здесь после каждого номера программы публика ждет: разрешит ли певица выразить свой восторг в аплодисментах. Кивок головы — и зал разражается овацией, вскинутая ладонь — и следующий номер начинается без аплодисментов. В эту игру включаешься невольно, поскольку каждая песня Шуберта превращается голосом Норман в дорогой подарок, затертые до боли шлягеры приобретают новые смысл и звучание.

Особенно когда доходит очередь до таких песен, как «Девушка и смерть» или «Лесной царь». Гибкий голос Норман мгновенно меняет окраску: от взволнованности юной девы до inferнальной, хтонической черноты смерти. А в «Лесном царе» ей удается петь четырьмя голосами: рассказчика, отца, сына и волшебного царя. И от ирреальности этого голоса становится не по себе, скепсис по поводу не всегда чистой интонации сменяется бешеным восторгом и настоящим экстазом зала. Во втором отделении Норман погружает зал в атмосферу декадентского Парижа. Песни Анри Дюпарка, изысканные, по-

Отпев под овации в Зальцбурге, Джесси Норман решила осенью снова посетить с концертами Россию Фото: АР

французски чувственные и нелогичные, — одна из визитных карточек примадонны. В этом репертуаре ей нет равных даже среди французских певцов-специалистов.

Как медиум, Норман заставляет забыть о времени. Триумфальный прием по окончании официальной программы — это прекрасная возможность растопить сердце капризной примадонны. Только что она колючим взглядом буравила первый ряд партера, где богатая публика складывала программки с полным текстом песен прямо на край сцены. Или заставляла организаторов лишней раз напомнить залу, что фотосъемка концерта категорически запрещена. Но бурная реакция зала делает ее мягкой, и «бисы» начинают изливаться из ее золотого горла, как из рога изобилия. Вначале — классические песни Шумана и Штрауса. Но публика, хорошо знакомая с повадками этой «черной пантеры», требует другого. Еще не стихли аплодисменты, а уже из-за сцены примадонна начинает петь роскошные негритянские спиричуэлс. От тяжелой поступи грузной гранд-дамы не остается и следа: свингуя и пританцовывая, безразмерная примадонна изящно пересекает сцену.

Описать, что творится в эти минуты в зале, практически невозможно. Богатейшая публика, съехавшаяся на этот концерт со всех континентов, забывает о снобистских канонах, отбросив свои золоченные клюки, скандирует и хлопает в такт, как фэны на рок-концертах. После каждого «биса» Норман уплывает за сцену, уже унесены все букеты (цветы в Зальцбурге дарить не принято, и только для Норман делается исключение). Но никто в зале не уходит: публика требует еще и еще. И за свои старания она вознаграждена хитом.

Тяжело опустившись на стул, расправив километры шелка своего одеяния, точно старая кормилица из «Унесенных ветром», на едва уловимом пианиссимо Норман начинает великую арию Гершвина из «Порги и Бесс». Summertime она поет без единого всплеска. Это настоящая колыбельная: примадонна не стремится показать все возможности своего голоса, а поет тихо и искренне. Конечно, после столь великого исполнения публика требует еще «бисов». Ноты кончились, пианист не знает, что играть. И тогда Норман поет без аккомпанемента, и все понимают, что это уже точно финал. После такого значительного концерта понимаешь публику, которая колесит за Норман по всему свету. Только великой певице дано превратить светское мероприятие в фейерверк страстей, довести зал до полного изнеможения и красноты ладоней. Кстати, и теплый прием московской публики так понравился Джесси Норман, что будущей осенью она вновь собирается в Москву.

Норман Джесси

7.08.02